

УДК 811.111

ЛЕКСИКАЛИЗАЦИЯ, ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ, ПРАГМАТИКАЛИЗАЦИЯ: АНГЛИЙСКОЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ *GOOD*

ЕГОРОВА Марина Азисовна,

кандидат филологических наук,

доцент кафедры теории перевода и межкультурной коммуникации,

Воронежский государственный университет

АННОТАЦИЯ. *Статья нацелена на последовательное разграничение различных видов языковых преобразований, которым подверглось английское высокочастотное прилагательное good (g d) в ходе его исторического развития. Особое внимание уделяется прагматикализации, противопоставляемой лексикализации и грамматикализации, с одной стороны, и обычному словообразованию – с другой. Теоретическое обоснование необходимости выделения данного вида языковых изменений подкрепляется примерами из корпуса устной речи.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *прагматикализация, лексикализация, грамматикализация, языковые преобразования, корпус устной речи, английское прилагательное.*

EGOROVA M. A.,

Cand. Philol. Sci., Docent of the Department of Translation Theory and Intercultural Communication

Voronezh State University

LEXICALIZATION, GRAMMATICALIZATION, PRAGMATICALIZATION: THE ENGLISH ADJECTIVE *GOOD*

ABSTRACT. *The paper considers the high-frequency English adjective good (g d) in a historical perspective attempting to clearly differentiate between various types of language change it has undergone. The need to distinguish pragmaticalization as a separate type of language change alongside lexicalization and grammaticalization as well as ordinary word-formation is theoretically grounded and substantiated with examples from a spoken corpus.*

KEY WORDS: *pragmaticalization, lexicalization, grammaticalization, language change, spoken corpus, English adjective.*

Сегодня лингвистика, словно на новом витке спирали, особенно остро ощущает потребность в историческом объяснении целого ряда современных языковых феноменов. Так, в когнитивной теории частей речи, столь убедительно объясняющей гетерогенный состав последних, именно представление об их генезисе дает ключ к решению этой важнейшей проблемы [1]. С течением времени инвентарь языка постоянно меняется, адаптируясь к коммуникативным потребностям его носителей, которые с готовностью подхватывают и тиражируют любое новаторское использование языковых ресурсов, позволяющее им более эффективно решать коммуникативные задачи. Современная лингвистика, таким образом, признает главным двигателем языковых изменений не какие-то естественные законы развития языка как

«живого» организма, а активное, творческое использование языка сменяющимися друг друга поколениями говорящих на нем людей. Каждое новое поколение вместо того, чтобы получать язык в наследство в неизменном виде, подобно тому, как наследуется недвижимость, по сути дела, заново осваивает его в ином социальном контексте [2]. Языковые преобразования, таким образом, обусловлены коммуникативными, когнитивными и социальными факторами. Особый интерес в этом отношении представляют такие виды языковых изменений, как лексикализация, грамматикализация и прагматикализация, противопоставляемые обычному словообразованию по ряду признаков, и в частности на том основании, что в этих трех случаях вектор направлен в сторону изменения исходного категориального статуса языковой единицы. Действительно, лексикализация,

грамматикализация и прагматикализация соответственно ведут к пополнению инвентаря лексических, грамматических и прагматических средств языка за счет членов других разрядов. Так, классический случай лексикализации – это переход единиц морфологического уровня на лексический, например обретение отдельными деривационными морфемами статуса самостоятельных лексем. При грамматикализации типично происходит переход слов с лексического уровня на грамматический, например, из разряда существительных в разряд предлогов. При прагматикализации, аналогичным образом, имеет место своеобразное «замораживание» определенных форм [3], утрата ими синтаксических функций и их переход на дискурсивный уровень языка, где они выполняют сугубо прагматические функции. Другой важной особенностью вышеназванных процессов, отличающей их от словообразования, для которого характерно использование регулярных моделей образования новых слов, является избирательность и непредсказуемость [2]: лексикализации, грамматикализации и прагматикализации языковые единицы подвергаются выборочно, причем путь каждой из них весьма своеобразен, как отлична и скорость, с которой происходят соответствующие изменения, в связи с чем единицы, параллельно охваченные аналогичным процессом, в конкретный момент времени могут находиться на разных ступенях. Все это делает весьма актуальным описание отдельных наиболее частотных полнозначных единиц языка в аспекте их исторического развития. Подобное описание, в частности, позволит систематизировать весь наблюдаемый сегодня спектр употреблений соответствующей единицы на более прочной научной основе, которая обеспечивается учетом характера этих изменений. Как показывает даже беглое знакомство с представлением полисемантических и полифункциональных языковых единиц в различных лексикографических источниках, избежать субъективности и произвольности при решении данного вопроса исключительно на основе анализа современного функционирования (даже при условии использования синхронных компьютерных корпусов, позволяющих получить надежные количественные данные) практически невозможно.

Ранее (см. [4]) нами была предпринята попытка подобного описания основных путей развития английского прилагательного *right* (*riht*), в результате прагматикализации которого сформировалась особая единица дискурсивного уровня – слово-вставка *right*, преимущественно используемая в устной диалогической речи, где она выступает как акто-, ходо- и репликообразующий элемент, выполняющий определенный набор иллокутивных и интеракционных функций. В современном английском языке слово-вставка *right* является ядром прагматического комплекса, включающего ряд прагматикализованных единиц словесного и

фразового уровня типа *All right* и *That's right / all right*, с которыми оно связано как генетически, так и общностью выполняемых дискурсивных функций [5]. Данный комплекс специфичен для английского языка и, как показывает сопоставительное исследование, не имеет аналога в русском [там же]. Это подтверждает типично наблюдаемое в случае прагматикализации языковых единиц отсутствие межъязыковых параллелей [6].

В фокусе настоящей работы другая высокочастотная единица – прилагательное *good*, входящее по данным различных корпусов, включая BNC, в число 100 наиболее употребительных слов английского языка и возглавляющее список наиболее употребительных английских прилагательных. Этимологический словарь [7] указывает, что прилагательное *good* образовано в среднеанглийский период от древнеанглийского *gd*, изначально имевшего значение «having the right or desirable quality» и в свою очередь восходящего к прагерманскому **gothaz* (**gdaz*–[8]). Генетически, т.е. в силу происхождения от одного источника, с этой исходной древнеанглийской единицей связаны все образованные от нее слова, а также более поздние по времени значения самого прилагательного. Так, существительное *goods* из разряда *plurilia tantum* возникло в конце XIII века, причем его основное современное значение датируется почти двумя столетиями позже. Составное прилагательное *good-natured* возникает в конце XVI века (1570-е) [7]. Что касается самого прилагательного *good*, то, к примеру, значение «well-behaved» (в отношении детей) является достаточно поздним – оно датируется концом XVII века (1690-е) [там же].

Парадигматическими отношениями весь этот массив слов связан с присущими им морфологическими формами, включая супплетивные формы степеней сравнения прилагательного *good* – *better* и *best*, омонимичные степеням сравнения наречия *well*. Вопрос о том, почему наречие *well*, супплетивное по отношению к прилагательному *good*, имеет те же супплетивные формы сравнения *better* и *best*, сам по себе представляет существенный интерес. Некоторый свет на это проливает обнаруживаемая генетическая связь форм сравнительной и превосходной степеней с праиндоевропейским прилагательным **bhad*, имевшим значение «good»: по данным словаря Wiktionary [8] в прагерманском языке предположительно имела место конкуренция двух синонимичных прилагательных **gdaz* (от праиндоевропейского **ghedh*) и **bataz* (от **bhad*), которая закончилась победой первого, унаследовавшего степени сравнения (**batiz* и **batistaz*), образованные от второго. Наречие **wela* также уже имело в этот период супплетивные ему степени сравнения **batiz* и **batist*.

Наконец, синтагматическими отношениями интересующая нас единица (а также ее дериваты и морфологические формы) связана с другими словами в речевой цепи, и прежде всего с теми, которые составляют ее непосредственное

стандартное окружение и с которыми она образует более или менее устойчивые сочетания. Здесь важно отметить особую историю формулы прощания *good bye*, которая, как известно, является сокращением от *God be with ye* (конец XIV века). Прилагательное *good*, если верить словарю Online Etymology Dictionary [7], стало употребляться в данной формуле вместо изначального *godbwy* лишь в конце XVI века по аналогии с формулами *good day* и *good night*, возникшими в конце XIV века.

С учетом трех указанных выше отношений (генетические, парадигматические и синтагматические связи) в поле нашего зрения оказывается большой объем современного языкового материала, группирующегося вокруг прилагательного *good* и требующего дополнительной систематизации, поскольку ни одна из обозначенных нами группировок не является гомогенной. Так, в первой категории (генетическая связь) выделяются не только случаи, подпадающие под определение обычного словообразования (образование от древнеанглийского прилагательного соответствующего существительного со значением «that which is good»), но и случаи лексикализации (*goods* – лексикализация формы множественного числа древнеанглийского существительного с новым значением «saleable commodities»). О грамматикализации, на наш взгляд, свидетельствуют появление у прилагательного *good* таких значений, как «of a noticeably large size or quantity» (*won by a good margin, a good bit of the time*), «full» (*waited a good hour*) и его использование в качестве интенсификатора (*a good many of us*) [9], значительно расширяющие сочетательные возможности данной единицы. Существование в английском языке, наряду с уже упомянутым составным прилагательным *good-natured* (1577г.)¹, целого ряда аналогичных, а именно *good-hearted* (1552), *good-humored* (1662), *good-looking* (1762), *good-tempered* (1768), указывает на наличие повторяющейся модели. Это сближает *good-* со словообразовательными аффиксами и также, на наш взгляд, свидетельствует о некоторой степени грамматикализации единицы². Наконец, в результате прагматикализации в английском языке формируется слово-вставка³ *good*, типично реализующее интеракциональный ход обратной связи **Follow-up**⁴ в трехчастном обмене репликами:

s1a – 055 – 080

A: *Did you have a good time?*

B: *Yeah very nice. Quite a quite weekend actually <> and lots of scoffing.*

1 Попутно отметим, что в значительно большем масштабе аналогичное явление наблюдается в случае с *well-*: *well-known*, *well-bred*, *well-timed* и т.д. В [2] подобные случаи трактуются как случаи лексикализации.

2 Помимо [4], о категории слов-вставок см. также [10, 11].

3 Подробнее о ходах *Follow-up* и *Response* см. [12].

4 Этот и последующие примеры взяты из корпуса ICE-GB, включающего подкорпус устной речи.

A: *Oh good*

Другой частотной прагматической функцией *good* в диалоге является оценочный комментарий в рамках ответного хода **Response**:

s1a – 046 – 130

A: *...My wrist is a lot better now*

B: *Good*

Как показывает корпусный анализ, в рамках хода **Response** слово-вставка *good* может также выступать в качестве ответной реакции принятия совета:

s1a – 042 – 139

A: *You can make tunes from it*

B: *Oh good <>*.

Помимо этого, данная прагматикализованная единица широко используется в организационной функции, и прежде всего для маркировки границ обменов:

s1a – 099 – 312

A: *Oh dear. There should be quite a few people coming tomorrow. More than last time.*

B: *Yeah*

A: *Yeah*

B: *Oh good*

Рамки статьи не позволяют нам столь же подробно осветить две другие группировки. Отметим лишь, что во второй категории (парадигматические связи) внимания, несомненно, заслуживает лексикализация форм степеней сравнения *better* и *best*, в результате которой в разные исторические периоды были образованы соответствующие существительные и глаголы⁵, а также грамматикализация *better* в составе модального оператора *<d better*. В рамках третьей категории (синтагматические связи) важно последовательно разграничить грамматикализованные (*a good deal* – до XII века [9]), лексикализованные (*The Good Book «the Bible»* – 1651г. [9]/ 1801г. [7]; *better half «wife»* – 1570-е [7]) и прагматикализованные (*Good news!*, *Good idea!*) устойчивые сочетания, учитывая при этом ступень, на которой находится каждое конкретное выражение. Так, стандартные диалогические реакции *Good news!* и *Good idea!* находятся на более ранней стадии прагматикализации по сравнению с формулами приветствия и прощания типа *good morning* и *good night*, имеющими многовековую историю. В отличие от последних, эти выражения не фиксируются этимологическими словарями, однако их рекуррентность на современном этапе подтверждается анализом корпусов устной речи, что указывает на то, что они подверглись прагматикализации относительно недавно.

В заключение отметим, что без введения в научный обиход, наряду с устоявшимися понятиями грамматикализации и лексикализации, понятия прагматикализации, пока еще не получившего общего признания⁶, адекватное описание всего спектра употреблений высокочастотных единиц типа *right* и *good*, на наш взгляд, не представляется возможным. Такого рода единицы занимают в языке особое

5 Наиболее поздним образованием, очевидно, является глагол *to best*, датированный 1863г. [7].

6 Помимо [3] и [6] о прагматикализации см. также [13] и [14].

положение: в силу определенных причин, характер которых требует уточнения, говорящие стремятся максимально полно задействовать их в коммуникативном процессе, приспособив для решения самых разных дискурсивных задач. Понятие прагматикализации необходимо

для обозначения изменений, направленных на приспособление относительно небольшой части лексикона для решения задач сугубо прагматических, в чем и состоит его неоспоримая научная ценность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е.С. Кубрякова. – Москва: Институт языкознания РАН, 1997. – 331с.
2. Brinton L.J. Lexicalization and language change / L.J. Brinton, E.C. Traugott. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 207 p.
3. Граф Е.И. Прагматикализация и грамматикализация в языке / Е.И. Граф // Материалы II Международного научного симпозиума «Славянские языки и культуры в современном мире». Москва, филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 21–24 марта 2012 г. – (<http://www.philol.msu.ru/~slavmir2012>).
4. Егорова М.А. Слово-вставка Right в диахроническом аспекте / М.А. Егорова // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – №1. – С.5-8.
5. Егорова М.А. Переводческие соответствия и прагматические эквиваленты готовых единиц диалога/ М.А. Егорова // Социокультурные проблемы перевода: сб. науч. тр.: - Вып. 9. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2010. – Вып. 9. - С. 282-289.
6. Defour T. Degrees of pragmaticalization: The divergent histories of <actually> and <actuellement> / Tine Defour, Ulrike D'Hondt, Anne-Marie Simon-Vandenberg, Dominique Willems // Languages in Contrast. – 2010. – Vol. 10 (2). – Pp.166-193.
7. Online Etymology Dictionary [сайт]. – (<http://www.etymonline.com>).
8. Wiktionary [сайт]. – (<http://en.wiktionary.org/http>).
9. Merriam-Webster Online Dictionary [сайт]. – (<http://www.merriam-webster.com>).
10. Biber D. Longman grammar of spoken and written English/ D. Biber, S. Johansson, G. Leech, S. Conrad, E. Finegan. – London: Longman, 1999. – 1204 p.
11. Егорова М.А. Слова-вставки как лексико-грамматическая категория / М.А. Егорова // Дискуссионные вопросы современной лингвистики: сб науч. тр. – Калуга: КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2005. – Вып. 1. - С. 50-53
12. Tsui A. English Conversation / A. Tsui. – Oxford : Oxford University Press, 1994. – 298 p.
13. Aijmer K. I think – an English modal particle/ K. Aijmer // Swan T. and Westvik O.J. (eds.) Modality in Germanic Languages: Historical and Comparative Perspectives. – Berlin: Mouton de Gruyter, 1996. – P. 1-47.
14. Beeching K. Sociolinguistic factors and the pragmaticalization of bon in contemporary spoken French/ K. Beeching // Beeching K., Armstrong N. and Gadet Fran oise (eds.) Sociolinguistic Variation in Contemporary French. –Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2009. – P. 215-239.
15. The International Corpus of English Language. The British Component. Copyright Survey of English Usage, University College London, 1998, (CD-ROM).